

письмена

// единица хранения //

// собиратель //

// российское зарубежье //

// роспись //

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И. Бунин

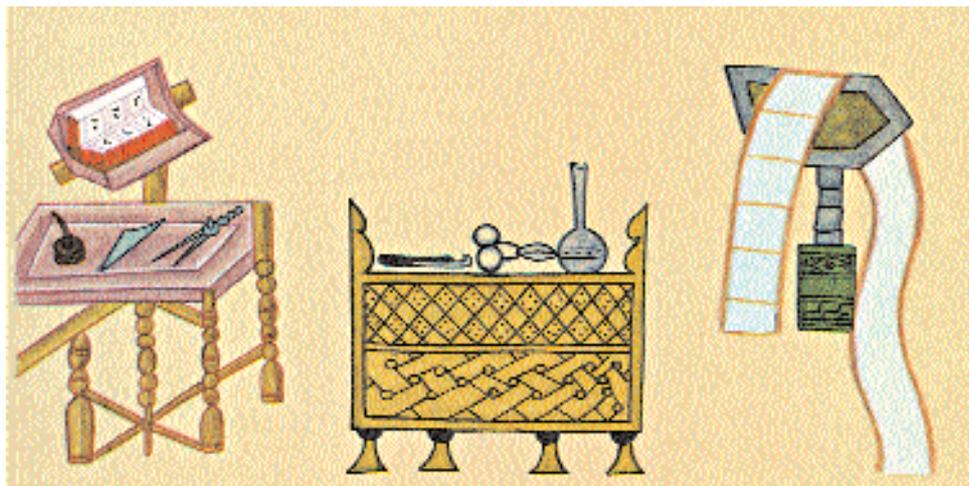
*В армянской букве –
величие монумента и нежность жизни,
библейская древность очертаний лаваша
и острота зелёной запятой перца,
кудрявость и прозрачность винограда
и стройность и строгость бутылки,
мягкий завиток овечьей шерсти и прочность
пастушьего посоха, и линия плеча пастуха...
и линия его затылка... И всё это в точности
соответствует звуку, который она изображает.*

Андрей Битов.
Уроки Армении

Алла Ервандовна
Тер-Саркисянц – доктор
исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Института этнологии
и антропологии Российской
Академии наук.

В жизни народа бывают события, которые приобретают решающее значение для всей его дальнейшей судьбы, для самого его существования. Одним из таких значимых событий в истории армянского народа явилось создание национальной письменности. Это произошло в тот период, когда армянский народ, разделённый с 387 г. между двумя противоборствующими могущественными державами – Римской (с 395 г. – Византийской) империей и Сасанидским Ираном, переживал тяжёлые времена. Иран, к которому отошли четыре пятых территории страны, начал активно проводить в отношении армян ассимиляторскую политику. Конечная цель персидских царей состояла не только в политическом и экономическом подчинении Армении. Имелась в виду также полная этнокультурная ассимиляция армян путём введения персидского языка, поощрения браков между армянами и персами. В противовес христианству, которое Армения приняла в 301 г. в качестве государственной религии, навязывался маздеизм, а в случае неудачи имелось в виду ограничить национальные права Армянской церкви, подчинив её сирийскому духовенству, тем самым связав с несторианством, которому они, в противовес Византии, покровительствовали, и противопоставив христианству ортодоксального толка Греческой церкви, к которому они относились нетерпимо. Подобная политика в условиях фактической потери политической независимости грозила армянам утратой этнокультурной самобытности, что было равносильно угрозе самому их существованию как народа.

Именно в это трудное время нашёлся человек со светлым разумом, который взялся за нелёгкое, но имевшее общенациональное значение как для своей, так и для всех последующих эпох, дело. Этого человека звали Месроп Маштоц. Его имя находится среди трёх документально известных мировой науке имён создателей алфавитов древних народов. Это епископ Ульфила (Вульфила) – автор готского (или мезоготского) алфавита (IV в.), братья Кирилл и Мефодий – изобретатели старославянского алфавита (IX в.) и Месроп Маштоц – творец армянского алфавита (405 г.).

Армянские источники сохранили сведения о жизненном пути и деятельности этого выдающегося просветителя. Первым достоверным источником считается труд одного из его старших учеников Корюна «Житие Маштоца», который тот написал вскоре после кончины своего учителя, примерно между 443 и 450 гг.

Маштоц (так называет его Корюн, не упоминая имени) родился в селе Хацекац западноармянской области Тарон в 362 г. в семье свободного *шинакана* (крестьянина) Вардана. Получив хорошее для своего времени образование и прекрасно владея греческим языком, Маштоц вскоре покинул родные края и отправился в столицу Армении город Вагаршапат, где поступил на государственную службу при царском дворе Аршакуни – «в царский диван и был исполнителем царских приказов». Его должность называлась *дшир* (секретарь, писмоводитель), но в то время этот термин обозначал и более высокий пост правителя канцелярии.

Здесь он освоил также сирийский и персидский языки, на которых в то время велось делопроизводство, пополнил своё образование чтением. Он хорошо изучил состояние страны, прошёл также военную

службу и стал, по словам Корюна, «сведущим и искусным в мирских порядках, а знанием военного дела снискал любовь своих воинов». Но затем, отказавшись от светской карьеры, он постригся в монахи и, отдавшись от мирской жизни, начал изучать Библию и другие церковные книги.

В своей отшельнической жизни Маштоц находит себе сподвижников, которые становятся его последователями и учениками. Вскоре он вместе с ними направляется в восточноармянскую область Гохтн, где

Памятник армянскому алфавиту в селе Ошакан.

В статье впервые воспроизводятся заставки и миниатюры из Евангелия, написанного в городе Константинополе в 1096 году (по армянскому летоисчислению – 1647) «рукою многогрешного священника Ованеса». НИО рукописей РГБ. Ф. 180. 1, №21.

люди ещё сохранили языческие верования и обычаи. Местный правитель Шабит принимает его и предоставляет возможность проводить проповедническую деятельность. По свидетельству Корюна, Маштоц обращает в христианство всё население области Гохтн. Говоря об этом периоде жизни Маштоца, армянский историк V в. Мовсес Хоренаци (он его уже называет Месропом) сообщает, что «во время своего проповедничества блаженный Месроп испытывал немало трудностей», поскольку в связи с отсутствием переведённых на армянский язык христианских книг богослужение велось на непонятных для широких народных масс языках – сирийском в восточной части Армении и греческом – в западной части. Поэтому народу были ближе и понят-

нее старые языческие верования, чем то, что ему проповедовали. Это весьма беспокоило Маштоца, так как он понимал, что христианская религия являлась важным фактором сохранения и развития не только общенациональной культуры, но и самого армянского этноса, разделённого на две части и подвергавшегося различным культурным и политическим влияниям, грозившим ему ассимиляцией.

И именно здесь, в Гохтне, где Маштоц тесно соприкасается с разными социальными слоями армянского общества и осознаёт тревожную историческую ситуацию и возможные её трагические последствия, у него возникает идея создания армянских письмен. Для осуществления своего намерения он возвращается в столицу, где делится своими планами с широко образованным по тем временам армянским католиком Сааком I Партевом. Оказывается, что и католикос также был озабочен этой проблемой и поэтому «одобрил его мысли и выразил готовность помочь ему в той заботе». Затем они оповещают о своих замыслах армянского царя Врамшапуха (в Персидской Армении статус царства формально сохранялся до 428 г.) и приходят в его лице горячего сторонника. Оказалось, что царь знал о существовании более ранних армянских письмен, найденных «неожиданно» сирийским епископом Даниилом (Даниелом) и хранившихся тогда у него. По просьбе Саака и Маштоца царь посылает некоего Вагрича с царской грамотой к одному из приближённых Даниила – священнику Аделу, который, в свою очередь, отправляется к Даниилу, находит у него эти письмена, знакомится с ними и затем доставляет их армянскому царю. По свидетельству Корюна, Маштоц, получив эти письмена, около двух лет обучал на их основе детей, за что был удостоен звания *варданета* (учителя). Однако в ходе обучения выяснилось, что этот алфавит

(получивший в арменоведении название «Данииловых письмён»), состоявший из 22 букв, заимствованных из другого (видимо, одного из семитских языков) алфавита, не могли быть приспособлены к нормам армянского языка, поскольку не отражали всю его богатую звуковую палитру.

Это место у Корюна вызывало вполне естественные сомнения учёных. Действительно, зачем Маштоцу понадобилось целых два года, чтобы выявить явное несоответствие «Данииловых письмён» особенностям армянского языка, которое можно было заметить сразу же. Ясность в этот вопрос удалось внести видному специалисту по армянским рукописям А. Матевосяну. Он доказал, что имеющиеся рукописи труда Корюна восходят к дефектному манускрипту, в котором при переплетении произошло смещение листов. Поэтому на самом деле Маштоц, получив «Данииловы письменна» и обнаружив их ущербность, сам стал придумывать алфавит и только после его создания стал преподавать, получив спустя два года почётное звание *варданета*.

Намереваясь продолжить свои изыскания, Месроп Маштоц, сопровождаемый группой своих учеников, направился в Эдессу – один из крупных культурных центров и главных очагов сирийской образованности, известный своим епископским престолом и множеством монастырей. Там он встретил доброжелательный приём и поддержку. Оставив при себе часть учеников изучать сирийскую словесность и письменность, Месроп послал остальных в центр греческой учёности Самосату для получения греческого образования. Сам же начал поиски в прославленной Эдесской библиотеке. Здесь, используя различные источники, он изучил алфавиты разных языков, ознакомился с их структурой, принципами письма, после чего принялся за создание армянских букв.

Известно, что создание любого алфавита предполагает выполнение следующих основных задач: 1) установление звукового (фонемного) состава языка; 2) изобретение соответствующих графических знаков, отражающих в письме установленную систему фонем; 3) определение принципов построения самого алфавита.

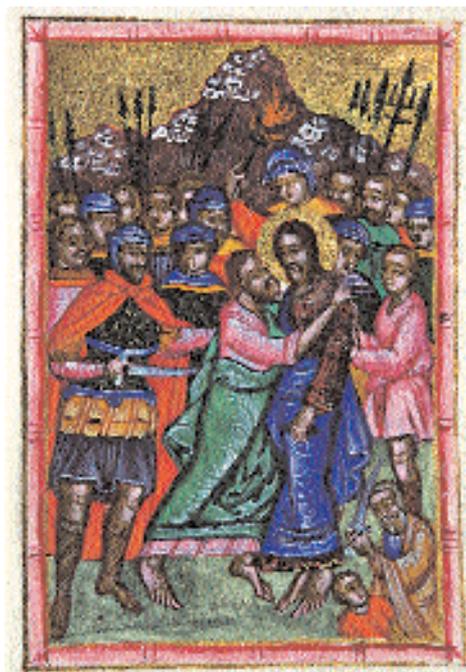
С этими непростыми, требующими немалых творческих усилий задачами Месропу Маштоцу удалось успешно справиться и создать настолько оригинальный алфавит, что лингвисты и палеографы так и не могли прийти к общему мнению о том, какие алфавиты послужили для него первоначальной моделью.

Создавая алфавит, Маштоц придерживался следующих основных принципов: 1) каждой букве должен соответствовать один звук, каждому звуку – одна буква, исключение составил только звук «у», состоящий, как и в греческом алфавите, из двух знаков; 2) было принято горизонтальное письмо слева направо, в то время как большинство современных Маштоцу алфавитов придерживалось обратного направления; 3) отказ от загромождения алфавита характерными для большинства алфавитов того времени особыми знаками, которые ставились над, под или рядом с буквами для уточнения их произношения; 4) создаваемое так называемое фонемное письмо должно представлять единую звуковую систему армянского языка.

Закончив разработку алфавита, Месроп Маштоц переехал в Самосату, где искусный греческий каллиграф Ропанос (Руфин) придал буквам законченный вид. Это знаменательное событие произошло, как считают исследователи, в 405 г. – ровно 1600 лет назад.

Ещё будучи в Сирии, Маштоц вместе с учениками приступил к переводу Священного Писания и начал с книги «Притчи Соломона». Первая записанная армянскими письменами строка из неё звучала знаменательно: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума». Этот перевод и искусная каллиграфическая запись Ропаноса должны были стать фактическим доказательством того, что возложенная на Месропа Маштоца

Миниатюра «Поцелуй Иуды».

Миниатюра «Тайная вечеря».

миссия была им выполнена. С чувством удовлетворения Месроп в сопровождении учеников возвратился на родину, где его торжественно встретили царь Врамшапук, католикос Саак и множество народа.

После этого Месроп и его ученики с увлечением отдались преподавательской и проповеднической деятельности. В разных областях Восточной (Персидской) Армении они открывали школы и распространяли грамотность, проповедовали христианство на родном языке.

Изобретённый Месропом Маштоцем алфавит из 36 букв (7 гласных и 29 согласных) был столь совершенен, что его используют почти без изменений в течение шестнадцати веков. Лишь на рубеже XII–XIII в. в него были добавлены две буквы, позднее – ещё одна, и сейчас ар-

мянский алфавит состоит из 39 букв. Учёные предполагают, что, очевидно, с самого начала были определены и цифровые значения букв. 36 букв составили четыре ряда по девять букв в каждом: первый ряд обозначал единицы, второй – десятки, третий – сотни, четвертый – тысячи. При употреблении букв в роли цифр в тексте они отмечались специальными знаками – титлами, точками и др. Буквы отдельно могли обозначать цифры от 1 до 9999. Для выражения больших цифровых значений употреблялся знак в виде косой, направленной вправо, стрелки, увеличивающий значимость данной цифры на четыре порядка.

После повсеместного распространения письменности на родном языке в Персидской Армении Маштоц, по словам Корюна, «стал заботиться и о другой половине армянского народа, находившейся под властью императора ромеев». Он отправился с частью своих учеников в Византийскую Армению, чтобы открыть и там школы и распространять грамотность на родном языке. Перед этим он посетил Константинополь, где при личной встрече с императором Феодосием II и патриархом Атикосом получил разрешение, согласно особому приказу «на скреплённых императорских грамотах», на открытие армянских школ. В этих школах, где собралось большое число учащихся, учителями были первые его ученики.

Возвратившись в столицу, Месроп вместе с католикосом Сааком и учениками продолжил литературную и переводческую деятельность. Именно они, став в Армении первыми писателями, известны под именем «старших переводчиков». Первым опытом их литературного творчества, как уже отмечалось, стал перевод Священного Писания. Блестяще переведённая ими на

армянский язык (с сирийского языка, а затем отредактированная по греческому образцу) Библия (по-армянски *Аствацашунч* – Дух, Душа Бога), явилась, по выражению французского филолога XVIII в. М. Лакроза, «царицей переводов», а её литературный язык V в., ещё не затронутый влиянием греческого, стал называться «языком золотого века». По словам Н.Я. Марра, «ничего подобного древнему армянскому переводу – если не считать зависящего от армянского оригинала перевода братского грузинского народа – не увидим мы у других христианских народов. Это перевод и одновременно роскошная сокровищница языческих пережитков армянского народа, бесценных армянских народных языческих пословиц, сверх меры наделяющих армянский перевод духом национальной самобытности».

Значение перевода состоит и в том, что он содержит множество терминов, связанных как с кровнородственными отношениями, но в данную эпоху изменившими или менявшими своё содержание, так и относящихся к социальной структуре общества, характеру земельной собственности, что даёт обильный материал по самым различным вопросам истории Южного Кавказа, в первую очередь Армении и Кавказской Албании, древнейшие памятники по истории которой написаны на древнеармянском языке. Библия значительно расширила кругозор армян, познакомила их с культурой и обычаями других народов, с их социально-политическими и этическими воззрениями, способствовала проникновению в их жизнь новой системы нравственных ценностей.

Под влиянием Библии создавались в Армении V века духовные стихотворения. Месропу Маштоцу и Сааку

Армянский алфавит. Открытка.

Партеву приписывается авторство ряда духовных песен – *кюрдов*, т.е. своеобразных продолжений библейских псалмов и гимнов, названных позднее *шараканами*. Тот факт, что приходилось «дописывать» псалмы, придумывать к ним «довески» (*кюрды*), свидетельствует о сложном душевном мире верующих, о том, что существующие религиозные песнопения были для них уже недостаточны.

По свидетельству Корюна, после изобретения армянских письмен Маштоц жил и творил в течение 35 лет. Умер он 17 февраля 440 г. в Вагаршапате и был похоронен в селе Ошакан близ Аштарака, на территории современной Республики Армения. Его могила в склепе под алтарём построенной через три года князем Ваганом Ама-тунци церкви сливёт в народе святыней под названием

«могила Переводчика» и служит местом паломничества армян. В этом же селе уже в наши дни был поставлен единственный в своём роде памятник армянскому алфавиту.

Создание письменности имело чрезвычайно важное значение для сохранения этнокультурной самобытности армянского народа. В обеих частях Армении были открыты, преимущественно при монастырях, национальные школы, в которых дети обучались на родном языке. Одновременно создавались школы повышенного типа, называвшиеся *варданетаранами*. В них, кроме языков и богословия, преподавались математика, грамматика, философия, риторика, поэтическое искусство. Многие из выпускников школ получали звание *варданета*, дававшее им право преподавать и проповедовать, *кертюга* (поэта и грамматика), философа и т.п.

Вслед за Месропом Маштоцем в Армении в V в. появляется целая плеяда писателей, переводчиков, историков (Корюн, Агатангехос, Фавстос Бузанд, Егише, Лазар Парпеци) и философов (Езник Кохбацци, Давид Анахт и др.). Выдающимся учёным этой эпохи был «отец армянской историографии» Мовсес Хоренаци. Его «История Армении» содержит обширные и ценнейшие сведения по истории с древнейших времён до середины V в. не только армянского народа, но и других народов, с которыми Армения поддерживала в те времена политические, экономические и культурные связи. Освоив лучшие традиции греческих, римских, сирийских историков, опираясь на богатый армянский народный эпос, эти крупнейшие представители культуры своего времени создали оригинальные произведения, во многом определившие новый этап развития исторической мысли в эпоху раннего Средневековья. Ценность их трудов, являющихся для нас первоисточни-

Разворот рукописной книги с маргинальными

ками, бесспорна, особенно если учесть, что V столетие было временем полного упадка греко-римской и самых начальных шагов византийской историографии.

Со второй половины V в. в Армении наступил расцвет грекофильской переводческой школы, исповедовавшей принципы дословной передачи греческого оригинала на армянском языке. Уже к VII в. в армянской словесности были представлены переводы практически всех жанров христианской литературы, имевшейся на тот период. Эти переводы, в основном с греческого языка, имеют большую научную ценность, поскольку в ряде случаев оригиналы античных авторов, при последующем переписывании, существенно искажались и не соответствовали подлинным текстам. Более того, некоторые труды греческих, сирий-

изображениями святых в медальонах.

ских и других учёных стали достоянием мировой культуры только благодаря сохранившимся армянским переводам. Это, например, «Хроника» Евсевия Кесарийского, трактат «О природе» Зенона Стоика, труды Филона Александрийского, математический труд Авиценны «Китаб-е Неджаб» и другие. По словам академика Н.Я. Марра, «благодаря армянским переводам спаслись утерянные были жемчужины христианской литературы. И даже больше. В века одичавшей Европы армянский народ своими переводами с греческого оказал общечеловеческой европейской цивилизации неоценимую услугу: он не только сберёт памятники классической литературы, но и, являясь энергичным поборником грековедения, способствовал изучению этого языка на Западе и даже в самой Греции!».

// осень 2005 //

Роль переводчиков в развитии национальной культуры была осознана уже в V в., когда некоторых из них причислили к лику святых и учредили *Таркманчацтон* – Праздник Переводчика, который до сих пор отмечается ежегодно в октябре как общенациональный праздник.

Несмотря на превратности своей дальнейшей судьбы, армянский народ сумел сохранить до наших дней бесценное наследие – около 30 тыс. рукописей по истории, философии, теологии, праву, математике, естествознанию, астрономии, грамматике, музыке, медицине, алхимии. Из этого числа около 15 тыс. рукописей находятся в фондах одной из крупнейших мировых сокровищниц рукописной культуры – Институте древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран) в Ереване. Многочисленные манускрипты рассеяны, подобно самому армянскому народу, по всему миру и находятся в библиотеках и книгохранилищах Венеции, Вены, Иерусалима, Парижа, Лондона, Вашингтона, Алеппо, Бейрута, Калькутты, Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси и других городов. И это

лишь небольшая часть средневековых рукописей, созданных в V–XVIII вв., так как большинство их было уничтожено завоевателями. К числу древнейших из сохранившихся датированных рукописей относятся Евангелие царицы Млке (жены васпураканского царя Гагика I Арцруни), переписанное в 862 г., и Лазаревское Евангелие, переписанное в 887 г.

Армянские рукописи с самого начала их появления имели конструкцию и форму, близкие к современной печатной книге. Вначале их писали на пергамене, который изготавливали из овечьих и телячьих кож, а примерно с X в. вошла в обиход и бумага, которая была намного дешевле пергамена, хотя и не так прочна и красива. Переплёт рукописи имел деревянные створки, которые перетягивались кожей или, реже,

тканью и застегивались с помощью поясков. Сам переплёт украшали тиснёным орнаментом, крестом, металлическими накладками, инкрустировали драгоценными или полудрагоценными камнями. Рукописи писали первоначально *калма́м* – расщеплённой тростниковой палочкой, позднее – птичьим пером, на которое надевали специальные насадки, позволяющие долго не обмакивать его в чернила. Основным местом переписки рукописей были существовавшие при монастырях *скриптории*. Рукописи чаще всего изготавливали на заказ. Заказчик сам выбирал текст для копирования. Примечательно, что акт заказа на переписку и иллюстрирование Священного Писания в средневековой Армении приравнивался к акту основания новой церкви или монастыря.

Рукописи всегда благоговейно почитались в народе, поскольку служили своего рода символом этноконфессиональной принадлежности армян, многие сотни лет находившихся в иноверной и, как правило, враждебной среде. К рукописной книге относились как к живому существу. О ней говорили, что «её взяли в плен», «арестовали», «похоронили в земле», случалось, что её даже «усыновляли» бедетные семьи, а затем специальным завещанием поручали попечительство над ней какому-нибудь монастырю или хранилищу.

«Пленение» рукописи считалось большим бедствием. Жители того поселения, которому принадлежала рукопись, попавшая в руки неприятеля, старались найти её и выкупить. Истории целого ряда армянских рукописей полны драматизма. Одна из таких многострадальных рукописей называется «Избранные речи». Эта огромная рукопись, весившая без переплёта около двух пудов, переписывалась в течение трёх лет и закончена в 1204 г. в монастыре города Муш Варданом Карнеци. На изготовление её 607 больших страниц пергамена пошли шкуры около 600 телят.

Разворот рукописной книги с выходной миниатюрой

Известно, что владелец этой рукописи был убит, а сама она «попала в плен», после чего армяне, собрав по городам и селам, монастырям и школам 4 тыс. монет (примерно 20 кг серебра), с немалыми трудностями нашли её на чужбине, выкупили и возвратили в Мушский монастырь, где её бережно сохраняли, а при необходимости прятали в течение семи веков. В годы Первой мировой войны, в связи с угрозой уничтожения рукописи турками, её спасли две армянские беженки из Муша. Сначала они по очереди несли на спине эту тяжёлую ношу, а затем, выбившись из сил, разделили рукопись на две части и одну половину, завернув в тряпье, зарыли во дворе церкви в Эрзеруме, а другую с большим трудом донесли до Эчмиадзина. Спустя некоторое время вторую часть рукописи нашёл и отдал в Матенадаран один поляк, офицер русской армии.

и заставкой к Евангелию от Луки.

Армянские средневековые рукописи не были анонимными. Характерной чертой, отличающей их от ряда других средневековых рукописных книг, в частности византийских и русских, было наличие в них *ишатакаранов* (колофонов), т.е. памятных записей переписчиков о дате создания и судьбе данной рукописи, именах переписчика, иллюстратора, владельца. Со второй половины XII в. эти записи становятся более пространными, нередко автор излагает биографии заказчика и других лиц, связанных с созданием рукописи, рассказывает об условиях своей жизни, обстоятельствах создания рукописи и её судьбе, сообщает о войнах, нашествиях, стихийных бедствиях, иногда приводит местное предание, афоризм, нравоучение, анекдот, призывает сохранить книгу: «А вы, настоятели и монахи обители Св. Киракоса, берегите книги! Во дни бегства и смуты перевозите книги в го-

род и прячьте... Во время же мира доставьте их в монастырь и читайте, а не храните закрытыми, ибо закрытые книги суть идолы!». Заканчиваются колофоны обычно просьбой не забывать в молитвах переписчика.

Памятные записи, представляющие собой своеобразный жанр средневековой историографии, рассматриваются учёными как важнейший источник по политической, социально-экономической истории средневековой Армении, истории её рукописной культуры.

Рукописные книги нередко украшались художественными иллюстрациями – миниатюрами. Это искусство достигло в средневековой Армении высокого уровня развития и исследовалось многими учёными.

Иллюстрировались преимущественно Евангелия, а также псалтыри, требники, праздничные минеи. Они украшались разного рода миниатюрами, заставками, орнаментами на полях, художественно выполненными начальными буквами, иногда и целыми строками. В композицию могли быть включены изображения, не связанные с содержанием

данной рукописи – например, портреты заказчика или миниатюриста. Так, на полях Ахпатского Евангелия 1211 г., расписанного художником Маргаре, помещено изображение рыбака и приписка: «Шераник, всякий раз, приходя, приноси рыбу!». Наибольшей угонченности книжная иллюстрация достигает в Киликийском Армянском государстве (1080–1375), расцвет её приходится на XIII в. Наиболее прославленным киликийским миниатюристом был Торос Рослин, работы которого отличаются необыкновенной тонкостью рисунка, яркостью красок, высоким мастерством.

Миниатюры представляют собой также богатейший источник для изучения культуры и быта тех далёких времён, поскольку изображают различные ремёсла, обряды, праздники, танцы, театральные представления, музыкальные инструменты, одежду и т.д. Особенно много рисунков инструментов

и приспособлений, применявшихся при изготовлении рукописей: письменных столов, налоев, чернильниц, шкатулок для красок, разных видов перьев, перочинных ножей, линейек, циркулей, ножниц, переплётков и т.п. Есть даже изображение тростникового пера с шариком, содержащим чернила, – прототипа современной ручки. О такой чудесной ручке сообщает писец Ованнес в памятной записи от 1435 г.: «Удостоите внимания меня, лжеписца, горожанина Ованнеса, о люди, обучающиеся по святым книгам, ибо 900 букв [или слов] я написал, обмакнув один раз, и еще 20, 30 сверх того. Вардапеты свидетели тому!».

За рукописными книгами последовали печатные, первая из которых была набрана армянским первопечатником Акопом Мегарпартом в Венеции в 1512 г. Затем армянские типографии появились в Констан-

тинополе (1567), Риме (1584), Львове (1616), Милане (1624), Париже (1633), Ливорно (1643), Нор Джуге (1640), Амстердаме (1660), Смирне (1676), Лейпциге (1680), Лондоне (1736), Мадрасе (1774), Санкт-Петербурге (1780), Новом Нахичеване (1790), Астрахани (1795), а впоследствии и во многих других городах мира, где жили армяне.

Таким образом, изобретение Месропом Маштоцем алфавита и создание национальной словесности имели для армянского народа не просто огромное культурно-историческое значение, позволившее ему войти в семью древних просвещённых народов. В условиях политической раздробленности и насильственной ассимиляции письма дали народу возможность сохранить этнокультурную идентичность и донести до наших дней свою многовековую культуру.

Памятник Месропу Маштоцу в Ереване.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книги: Геворгян А. Ремёсла и быт в армянских миниатюрах. Ереван, 1973. РГБ: Арм. 12/77.

Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. РГБ: Б 75-10/246; 247.

Абрамян А.Г. История армянского письма и письменности. Ереван, 1959 (на арм. яз.).

Агаян Эд. Б. Месроп Маштоц. Ереван, 1986. РГБ: 2 87-25/475-3.

Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962.

Марр Н.Я. Армянская культура: её корни и доисторические связи по данным языкознания. Ереван, 1990. РГБ: 2 90-36/254-9; 255-7.

Матевосян А. Перемещение одного листа в манускрипте «История вардапета Корюна». Вена, 1990 (на арм. яз., резюме на франц. яз.).

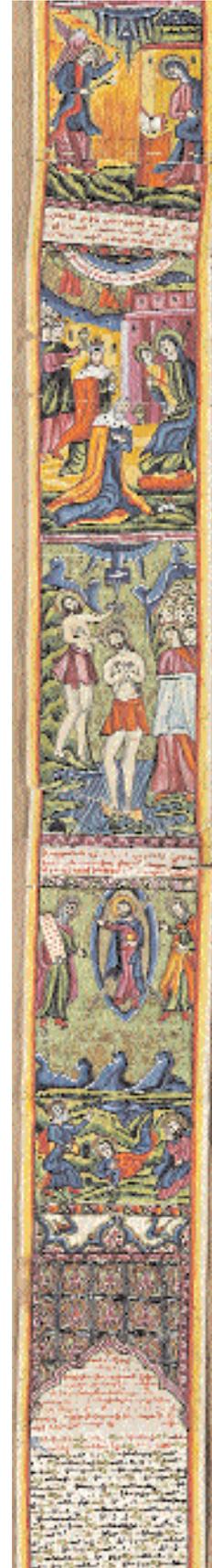
Севак Г. Месроп Маштоц. Создание армянских письмен и словесности. Ереван, 1962. РГБ: 62-40/87; 88.

Юзбашян К.Н. Армянские рукописи // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. 1. М., 1987.

Слово из глубины души ко Всевышнему

Как приближусь к тебе,
О чём отважусь молить я, нерадивый раб?
Дескать, я оплошал,
А ты пусти меня в рай?
Я согрешал,
А ты славой меня восхищай?
Я смерть избрал,
А ты мне жизнь возвещай?
Ангелов я бросал,
А ты мне ангельский чин обещаи?
Лишён я причастия,
А ты меня причащай?
От лозы отторгнут я,
А ты меня к ней приобщай?
Я хворый хворост,
А ты мною дерево истощай?
Я прах и тлен,
А ты меня в цветок превращай?
Я оскудел,
А ты меня обогатяи?
Наследство я промотал,
А ты мне вновь его завещаи?
Я свой наряд замарал,
А ты его очищай?
Я в изгнанье пропал,
А ты меня возвращай?
Я свет божий омрачал,
А ты меня просвещай?
Я отпал от Христа,
А ты меня во Христе воплощай?
Я Христа избегал,
А ты меня обращай?
Я кров его отвергал,
А ты меня защищай?
Я, опальный, пал,
А ты меня посещай?
Я мудростью пренебрегал,
А ты мне путь освещай?
Я Завет расторгал,
А ты меня укрощай?
Я пошатнулся,
А ты падение предотвращай?
От святых я отшатнулся,
А ты меня освящай?
Первородство утратил я,
А ты мне урон возмещай?
Я хлеба не заслужил,
А ты меня хлебом насущным насыщай?
Я в праздности жил,
А ты меня умай?
Я не сею, не жну,
А ты предвещай урожай?
Я Книгу Жизни клянусь,
А ты меня в Книгу Жизни помещай?
Я пресмыкаюсь в плену,
А ты меня прощай?

Начальная часть свитка с молитвами Григора Нарекаци (X в.) и Нерсеса Благодатного (XII в.) о выздоровлении. 1774. НИОР РГБ. Ф. 180. 1 №6.

Григор Нарекаци (951–1003)
Из «Книги скорбных песнопений»
Перевод Владимира Микушевича

**Марина Крутова
Иван Лёвочкин**

Малоизвестные памятники армянской культуры

Крупнейшим центром хранения и изучения армянских рукописных книг является, как известно, знаменитый Матенадаран – Институт рукописей Академии наук Армении. Но армянские рукописи находятся и во многих других научных центрах, в том числе и в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Хотя здесь их немного, но они, во-первых, малоизвестны, а во-вторых, безусловно, заслуживают серьёзного внимания как весьма ценные памятники культуры и искусства Армении (НИО рукописей РГБ, фонд 180.1)

Армянские рукописи входят в первый раздел фонда «Собрание рукописей на языках народов СССР» и представляют собой своеобразную коллекцию. Первая армянская рукописная книга поступила в нашу библиотеку ещё в 1876 г. Затем поступления продолжались вплоть до 1951 г. И теперь здесь хранится 27 единиц различных памятников армянской письменности и искусства.

Научного описания эта коллекция пока не имеет. Однако ещё в 1947 г. Л.С. Хачикян, в то время научный сотрудник Матенадарана, работавший с этими рукописями, оставил о них краткие заметки, на основании которых в библиотеке была составлена учётная опись, дающая некоторое представление о составе коллекции. Позднее главный хранитель Матенадарана Г. Тер-Варданян описал большинство рукописей данной коллекции (на армянском языке).

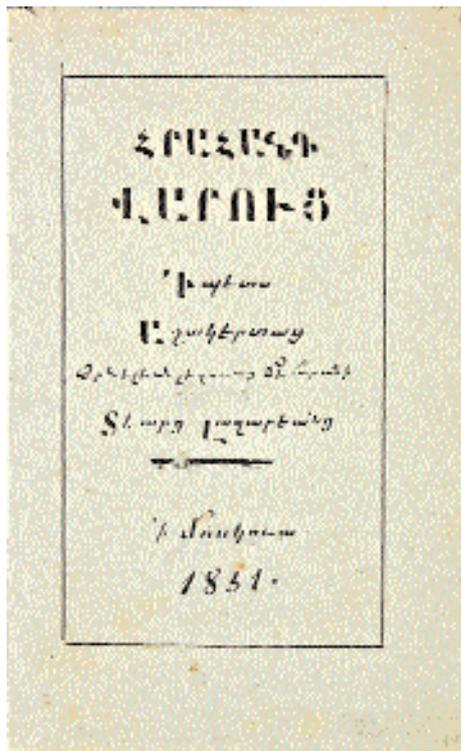
Немногим более двадцати рукописных книг, хранящихся в фонде, датируются в основном XVI–XVIII вв. Большинство из них написано на бумаге, но есть и перга-

Марина Семёновна Крутова – кандидат филологических наук, главный научный сотрудник НИО рукописей РГБ.

Иван Васильевич Лёвочкин – доктор исторических наук, зав. сектором НИО рукописей РГБ.

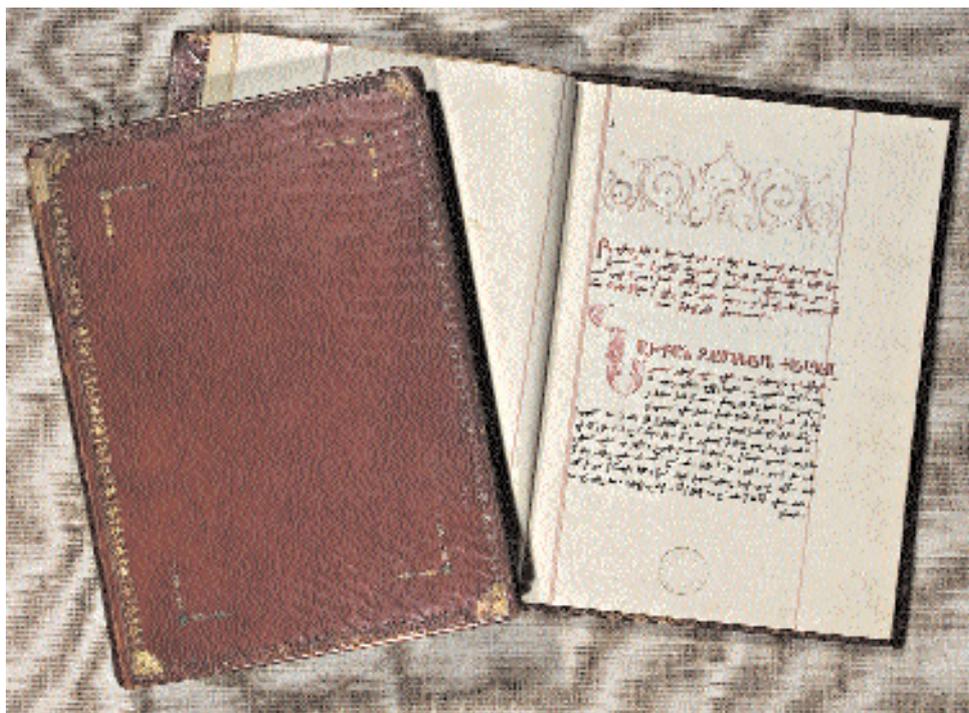
менные. Физическое состояние книг неодинаково, некоторые очень плохой сохранности. Армянский исследователь Э.М. Корхмазян отмечала, что книги, которым грозило уничтожение, владельцы закапывали в землю. Очевидно, такова была судьба двух из упомянутых книг, превратившихся в слежавшиеся блоки листов.

Как и в других христианских государствах, книжность Армении периода Средневековья и более позднего времени в значительной степени состояла из творений авторов христианской святоотеческой литературы, что находит своё подтверждение и в книгах описываемой коллекции. Достаточно сказать, что здесь хранятся пять Евангелий и ещё несколько книг богословского и богослужебного содержания. Однако, помимо книг подобной тематики, в коллекции можно встретить и иные. В одной из них, под условным названием «Книга заклинаний», например, содержатся магические формулы против злых духов (в переводе с арабского), а также тексты о знаках Зодиака, рецепты средств для излечения разных болезней. Хранится здесь и переводной Лечебник. На большей части книг имеются различные надписи, в том числе и писцовые «послесловия». В этих надписях и «послесловиях» писцов содержатся сведения, относящиеся к истории создания соответствующей книги и её дальнейшей судьбе. По своему характеру они практически не отличаются от надписей и послесловий в русских рукописных книгах.

Сборник поучений для учеников Лазаревского института. 1851. НИО рукописей РГБ. Ф. 180.1, № 5.

Две книги, переписанные по заказу графа Н.П. Румянцева: «Историография» Матвея Эдесского. 1814. Переписчик Барсера Хачатурян Вагаршанатеци; «Историография и география» Вардана Ареверци. 1814. Переписчик иерей Иоанн. НИО рукописей РГБ. Ф. 256, №№ 846, 847.

Армянские рукописные книги издавна привлекали внимание русских учёных. Так, ещё в 1814 г. государственный канцлер России и выдающийся учёный граф Н.П. Румянцев заказал для себя копии двух армянских книг и вскоре их получил. Сейчас эти копии хранятся в НИО рукописей РГБ (См.: Ф. 256. Собрание Н.П. Румянцева, Т. 3. Описание рукописей на иностранных языках: западноевропейских [...] и восточных [...]).

М., 1978. Машинопись). Поскольку подлинники книг оказались утрачены, сохранившиеся копии приобрели ещё большую ценность для мировой культуры.

Как известно, рукописная книга – это не только текст, но ещё и украшения, сопровождающие и дополняющие текст, а также переплёт.

Замечательные циклы миниатюр содержат Евангелия XV–XVIII вв. Кроме евангели-

Переплёт и разворот книги «Выписки из Евангелия и книг Ветхого Завета, утверждающих христианские истины». XVIII в. НИО рукописей РГБ. Ф. 180.1, №23.

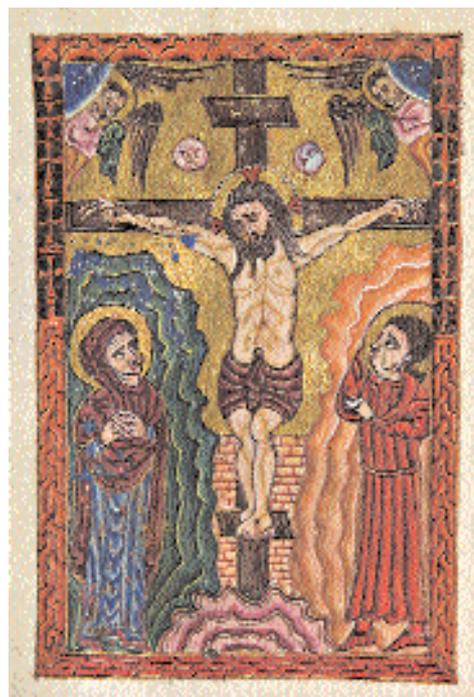
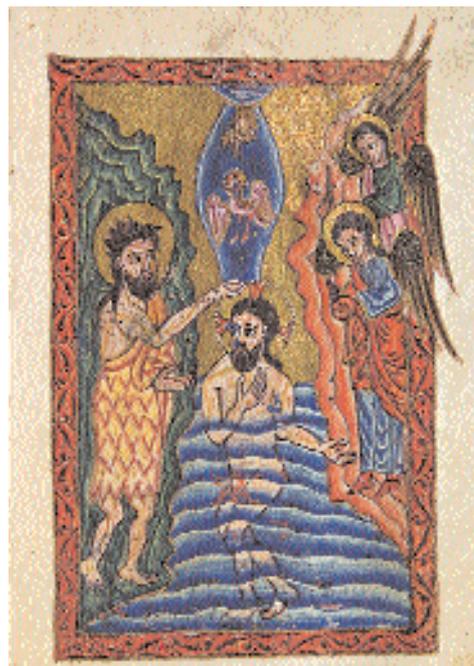
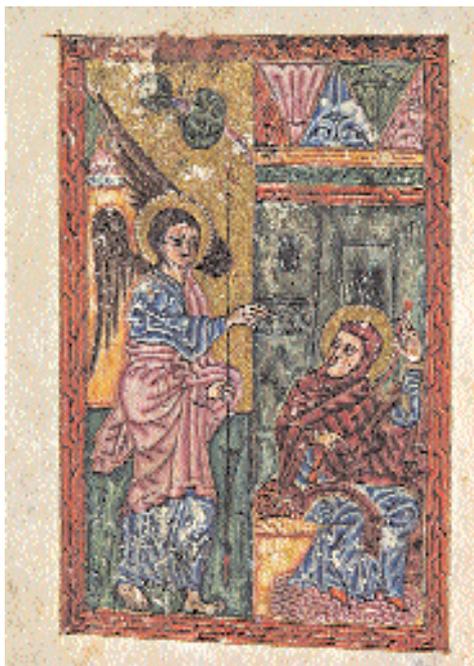
стов, в них представлены ещё и основные евангельские сюжеты – Благовещение, Рождество Христово, Его Крещение, Тайная вечеря, Вход в Иерусалим, поцелуй Иуды, Распятие, Воскресение, Схождение во ад, Вознесение и некоторые другие. Все эти циклы миниатюр, созданные в разное время и разными художниками, представляют огромный научный интерес. Особенно хорош цикл из Евангелия XVII–XVIII вв. Он со-

стоит из двадцати миниатюр, написанных чистыми, яркими красками и золотом. Каждая представляет собой произведение изобразительного искусства мирового уровня.

Привлекают внимание и полихромные заставки. Они различны по композиции и орнаментам. В большинстве случаев над верхними линиями заставок изографы и орнаменталисты рисовали различных птиц. Это древняя христианская традиция, долго

Четвероевангелие. 1548. Монастырь Хартшияр (Западная Армения). Писец – епископ Овсет. НИО рукописей РГБ. Ф. 180.1, №2.

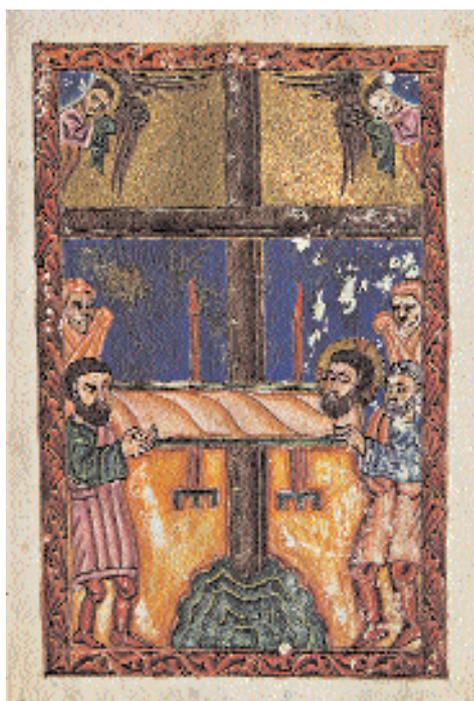
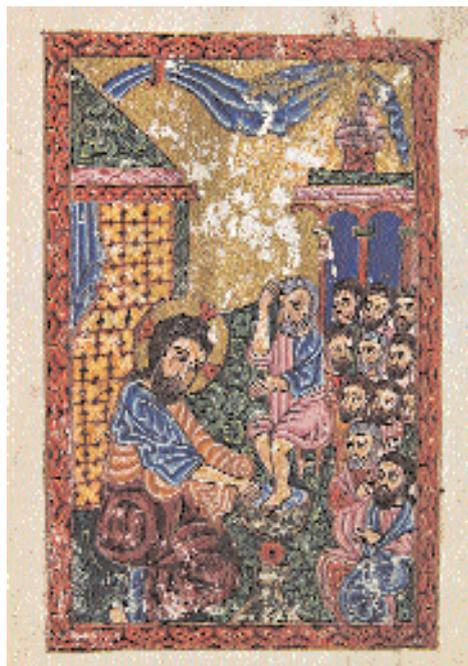
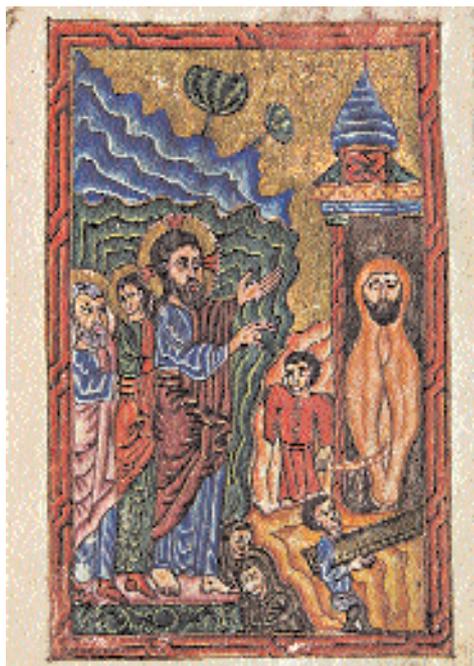

Миниатюры из Четвероевангелия. 1629.

сохранявшаяся и в русских рукописных книгах. Что касается художественных инициалов и полевых украшений, то они также в подавляющем большинстве случаев представляют собой оригинальные произведения искусства. В рисунках многих инициалов просматриваются самые разнообразные орнаментальные мотивы: зооморфные, антропоморфные и тератологические...

У большей части книг коллекции – обычные переплёты различного уровня мас-

терства, и только одно Евангелие, датированное 1548 г., имеет своеобразный «полуокладный» переплёт, изготовленный в 1661 г. Основу этого переплёта составляют тонкие доски, обложенные тёмной кожей. В центре верхней крышки укреплен большой четырёхконечный серебряный крест с гравированной надписью, в которой содержатся сведения об этой книге. В центре креста и на нижней его части укреплены крупные полудрагоценные камни. По периметру крышки

НИО рукописей РГБ. Ф. 180.1, № 5.

размещены многочисленные полусферические серебряные «бусины». Этот переплёт представляется интереснейшим произведением армянского декоративного искусства.

Как уже отмечалось, помимо книг, в коллекции хранятся и другие ценные материалы. Свиток с текстами молитв о здравии (1774) богато украшен оригинальными миниатюрами и орнаментами в красках. Двойной лист письма 1834 г. католикаса Иоанна Карбеци видному русскому учё-

ному и путешественнику П.И. Севастьянову украшен художественной рамкой и инициалом, также выполненными красками и золотом.

Памятники армянской культуры, впервые представленные в журнале «Восточная коллекция», имеют значительный научный и историко-культурный интерес. Будем надеяться, что их научное описание будет составлено и издано как на армянском, так и на русском языке.

Алексей Свири́н

Орнамент, переливающийся всеми цветами радуги

[...] Пристальное изучение армянских рукописей даёт очень ценный исторический материал, почерпаемый из приписок в рукописях, т.н. *ишатакаранах*. Между прочим, в *ишатакаранах* рисуется яркая картина, характеризующая отношение к книге в древней Армении. Книга была окружена исключительным вниманием, заботой, любовью и большим уважением. Писец Акоп из Новой Джульфы пишет в 1610 г.: «Это чудесное Евангелие, которое превыше всего, не надо трогать каждый день, чтобы не промаслить это бесценное сокровище». И дальше: «Да сохранит Бог того священника, который, перелистывая её, не смачивает пальцы». Своё Евангелие он называет «лучезарным, увитым розами, расцвеченным и украшенным золотом и лазурью, как рай весной».

Доклад известного специалиста в области искусства книги А.Н. Свирина (1886–1976), с которым он выступал в связи с выставкой армянских рукописей в Москве (1947), печатается в сокращении по машинописному экземпляру, хранящемуся в НИО рукописей РГБ. Ф. 728, карт. 2, ед. хр. 5. Заголовок принадлежит редакции. Иллюстрации из Евангелия 1647 г., переписчик иерей Иоанесс. НИО рукописей РГБ. Ф. 180. 1, № 21.

Миниатюра «Воскрешение Лазаря».

[...]

Невольно возникает вопрос о связях и взаимоотношениях между искусством Армении и русским. Академик Н.Я. Марр ещё в 1899 г. писал: «История древнерусского искусства непосредственно заинтересована во всестороннем выяснении судеб Грузии и Армении».

Действительно, изучение искусства книги древней Армении внесло некоторую ясность и помогло определить некоторые элементы в искусстве книги древней Руси. В Публичной библиотеке в Ленинграде есть Евангелие, написанное в 1507 г. Феодосием, сыном Дионисия, автора Ферапонтовских фресок. Эта рукопись была написана в Москве для дворцового казначея Третьякова. Очень близки по стилю и рукописи Феодосия Евангелие, написанное в Троицком монастыре Исааком Бирёвым в 1531 г. и, наконец, рукопись XVI в. из Кирилло-Белозёрского монастыря.

Изучая миниатюры и орнаментацию этих трёх рукописей, нетрудно заметить наличие элементов, типичных для армянских рукописей, неизменно встречающихся на страницах этих книг. Обычно, когда рассматривались эти рукописи, говорилось: «Здесь есть что-то восточное». Вот это неопределённое «что-то восточное» теперь раскрывается. Эти мотивы появились на страницах русских рукописей в результате знания армянских рукописей русскими художниками книги. Несомненно, в силу профессионального интереса такой большой и разносторонний художник, как Феодосий, видел армянские книги, т.к. и тогда имелись торговые связи между Россией и Арменией и в Москву ездило много армян.

Всякий, а художник в особенности, кто видел раз армянские рукописи, никогда не забудет их красочности и орнаментальности. Указанные выше русские миниатюры несут на себе печать именно отзвука впечатлений, полученных от армянских рукописей.

Указанные примеры не единственные. В Музее изобразительных искусств в Ереване есть рукопись Матенадарана XVI–XVII в. №246, содержащая несколько миниатюр, и в том числе, с изображением Троицы, Входа в Иерусалим, Успения и Преображения, иконографически чрезвычайно близких к русским иконам XV–XVI вв. Несомненно, художник этой рукописи воспользовался композициями русских икон для своих миниатюр. Русские иконы издавна, а в XVII в. в особенности, хорошо были известны на Востоке, т.к. ими щедро одаривались приезжавшие в Москву за «милостинею» восточные патриархи. Об этом упоминает Павел Алеппский в своём описании путешествия в Москву в середине XVII в.

Кроме того, надо принять во внимание, что в армянских рукописях встречаются вшивные листы славянских рукописей. Затем, есть в Музее в Ереване переплёт, сделанный из серебряных пластинок с славянскими надписями XVI–XVII вв. Таким образом, мы видим, что и произведения русского искусства были перед глазами книжных художников Армении.

В заключение следует отметить следующее. Первое, что прежде всего бросается в глаза, – сильно выраженное своеобразие творчества художников, яркий национальный отпечаток на их произведениях.

Исключительная способность к орнаментации в этой области творчества художника не имеет границ. Даже человеческая фигура превращается в орнаментальный мотив. Орнаментация – подлинная стихия армянского художника.

Помимо этой стороны творчества художников книги, они обладали непревзойденным чувством цвета. Бесконечное богатство красочной палитры художника книги превращает орнамент в какие-то яркие видения, переливающиеся всеми цветами радуги. [...]

Дурново Л.А. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957. РГБ: Б 314/41; 42.

Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV/XVII вв.) Ереван, 1978. РГБ: Б 78-9/306; 307.

Крутова М.С. Армянские рукописи РГБ и славянские рукописи Матенадарана // Румянцевские чтения. Материалы международной конференции (13/16 апреля 2004 г.)

Отчёт Московского публичного и Румянцевского музея за 1876–1878 гг. М., 1879. РГБ: Z 104/383; R 14/179.

Свириг А.Н. Миниатюра древней Армении. М.–Л., 1939. РГБ: Z 33/213; Я 322/204.